

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.14>

UDC 94“04/14”:930.2

LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 15.06.2024

Accepted: 07.10.2024

THE CONCEPT “IMPROVEMENT” (“ΒΕΛΤΙΩΣΙΣ” – “ΒΕΛΤΙΩΜΑ”) OF BYZANTINE DOCUMENTS: THE PRELIMINARY SURVEY

Yury Ya. Vin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The most important sources for studying “improvements” throughout the Byzantine Middle Ages remain acts and documents. In them, ideas about “improvement,” no matter how they were expressed, were given a special, comprehensive significance. The terminological meaning of “improvements” in agriculture is predetermined by the cultivation of the soil and conscientious care of plantings. The main object of any improvements was clearly identified as the landlord’s estate and the farms of the landowners, which required additional costs. The economic component of “improvements” is also obvious in rental cases. The concept of “improvement” has become the main criterion in calculating the costs actually incurred by both parties and payments made, as well as the fulfillment of obligations assumed by tenants. The scope of the “improvements” made due to the construction and reconstruction of houses, especially in estates and urban estates, was quite significant. In many acts, the concept of “improvement” became one of the components of the instructions of the authorities, whether secular or spiritual, which concerned the way of life of various groups of Byzantine society. The standard, at first glance, formulaic clauses of acts acquired a special meaning when the settlement of private law problems, crossing the conventional boundaries of public administration, covered the sphere of public law. There are numerous examples when “improvements” directly concern churches, monasteries and other church buildings and institutions. Depending on the conditions described, the content of the notion “improvement” acquires additional connotations. They were determined by the influence of various factors, from fiscal and legal significance to moral and ethical assessments. Everything that has been said about the concept of “improvement” in its entirety testifies to the sociocultural significance of the ideas and concepts considered regardless of the lexical methods of their expression. Directly or indirectly, ideas about “improvement” permeated all layers of medieval Byzantine society. The study of this concept undoubtedly serves to reveal the essence of social and, more specifically, both local and communal relations among the medieval Byzantines, as well as to clarify the role of the spiritual principles in their everyday behavior. The article consists of an Introduction, a number of sections (General Views, Methods of Expression, Distribution, Pragmatics, Perception, Socio-cultural Significance), characterizing the specificities of perception and the socio-cultural significance of “improvements” in Byzantine society, and the Conclusion.

Key words: improvement/amelioration, arrangement, alms, prosperity, Byzantine concepts, notions, terms.

Citation. Vin Yu.Ya. The Concept “Improvement” (“βελτίωσις” – “βελτίωμα”) of Byzantine Documents: The Preliminary Survey. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 192-214. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.14>

УДК 94“04/14”:930.2

ББК 63.3(0)4-9

Дата поступления статьи: 15.06.2024

Дата принятия статьи: 07.10.2024

КОНЦЕПТ «УЛУЧШЕНИЕ» («ΒΕΛΤΙΩΣΙΣ» – «ΒΕΛΤΙΩΜΑ») ВИЗАНТИЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ

Юрий Яковлевич Вин

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Важнейшими источниками изучения «улучшений» на протяжении всего византийского Средневековья остаются акты и документы. В них представлениям об «улучшениях», каким бы образом они не были выражены, придавалась особая, всеобъемлющая значимость. Терминологическое значение «улучшений» в сельском хозяйстве предопределяло возделывание почвы и добросовестный уход за насажде-

ниями. В качестве главного объекта каких-либо улучшений вполне ясно определилось господское поместье и хозяйства земельных собственников, требующие дополнительных затрат. Экономическая составляющая «улучшений» очевидна также в случаях аренды. Понятие «улучшение» стало главным критерием при исчислении реально понесенных обеими сторонами издержек и сделанных выплат, равно исполнения принятых арендаторами обязательств. Размах производимых «улучшений», обусловленных строительством и перестройкой домов, особенно в поместье и городских усадьбах, бывал весьма существенен. Во многих актах концепт «улучшение» становится одним из компонентов предписаний властей, светских ли, или духовных, которые касались образа жизни различных групп византийского социума. Трафаретные, на первый взгляд, формулярные клаузулы актов получали особый смысл, когда урегулирование частнопроводимых проблем, переходя условные границы государственного администрирования, охватывало сферу публичного права. Известны многочисленные примеры, когда заботы и «улучшения» напрямую касаются храмов, монастырей и других церковных строений и учреждений. В зависимости от описываемых условий содержание понятия «улучшение» приобретает дополнительные коннотации. Их обуславливало влияние разнообразных факторов, начиная с фискально-юридической значимости и кончая морально-этическими оценками. Все сказанное о концепте «улучшение» в своей совокупности свидетельствует о социокультурной значимости рассмотренных в этой связи идей и понятий, независимо от лексических способов их выражения. Прямо или косвенно, представления об «улучшении» пронизывали все слои средневекового византийского социума. Изучение названного концепта, без сомнения, служит раскрытию существа социальных и, говоря конкретнее, как поместных, так и общинных отношений в среде средневековых византийцев, равно уяснению роли духовных начал их повседневного поведения. Статья состоит из Введения, ряда разделов (Общие представления, Способы выражения, Распространение, Прагматика, Восприятие, Социокультурная значимость), характеризующих особенности восприятия и социокультурную значимость «улучшений» в византийском обществе, и Заключения.

Ключевые слова: улучшение, устроение, подаяние, преуспевание, византийские понятия, концепты, термины.

Цитирование. Вин Ю. Я. Концепт «улучшение» («βελτίωσις» – «βελτίωμα») византийских документов: предварительные изыскания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 192–214. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.14>

*Светлой памяти
Николая Дмитриевича Барбанова*

Введение. В последние годы российское право и законодательство обогатило новое юридическое понятие «неотделимые улучшения» объекта соглашения, в первую очередь жилья и земельных участков (ГК РФ. Ст. 623; Федеральный закон. 20.07.2012, ред. 25.12.2023. № 125-ФЗ. Ст. 6; 28.06.2022. № 204-ФЗ. Ст. 6). В этом свете выглядит вполне логичным обращение к социокультурному содержанию отвечающего тому византийского аналога – концепта «улучшение».

Раскрывая содержание названного концепта, безусловно, следовало бы повторить многое, что было сказано о методологической значимости и социокультурной природе важнейших концептов средневековых византийцев. Их изучение позволяет достигать ясного понимания особенностей и способов изъяснения современниками изучаемой эпохи свойственных им общественных воззрений,

начиная от пространственно-временных постулатов и завершая экологическими и этическими взглядами. Об этом свидетельствует, в частности, изучение концепта «δουλεία» («служба», «работа» и т. п.) [2]. И если репрезентация концепта «улучшение» чем-нибудь отлична от концепта «служба» и многих других, равных тому по их социокультурной значимости понятий и представлений византийцев, то прежде всего минимальной изученностью современными учеными. Практически она сводится к довольно редким, а главное – разрозненным, за некоторыми исключениями, отсылкам отдельных ведущих византинистов на понятие «улучшение» (improvement, amelioration), которое в их научных трудах далеко не всегда бывает прямо соотнесено с его греческими прототипами¹. Они, надо признать, позволяют А.Е. Лаиу и ее коллегам оценивать социальную активность и способы хозяйствования византийцев на основе понятийно-терминологического анализа, имеются в виду прежде всего сведения

о том или ином «улучшении» («βελτίωσις») [39, p. 352–353 etc.; 42, p. 23, 25–26, 29–30]. Говоря о наблюдаемом в Византии XI–XII вв. экономическом росте сельскохозяйственного производства, а также экономических переменах последующих столетий, названная византистка соотносит «улучшения» с проблемой как эффективной эксплуатации и продуктивности культивируемой земли, так и технологических средств производства, в первую очередь мельниц. В предпринимаемых владельцами поместьев и крестьянами «улучшениях» специалистка усматривает образчик экономического поведения византийцев, что само по себе неоспоримо, и вкладываемые в сельскохозяйственное производство инвестиции [41, p. 104–105, 106–107, esp. p. 108–109 etc., 114, 175–176 etc.; 40, p. 458–462].

Соответствующую тому идею на самом деле выражали два греческих понятия с семантикой «улучшение» (βελτίωσις – βελτίωμα). Их можно отыскать в законодательных памятниках, в частности, «Василиках» (В.А.LVI.14.001.07; В.А.LVI.14.009) и Схольях к ним (В.В.XII.02.006.P.002; В.В.XXVIII.08.007.F;Pa.063), а также ряде других правовых сборниках и компиляциях, таких как «Типукейтос» судьи Пациса (PT.XX.02.002; PT.XLIV.27.003), «Синописисы Василик» (SB.Alpha.20.001; SB.Epsilon.21.002; SB.Epsilon.40.003; SBM.Epsilon.012; SBM.Ksi.001; SBM.Omikron.002; SBM.Chi.022; PA.08.111), «Эклога Василик» (EB.Schol.II.02.076), «Прохирон ауктум» (PA.08.132), «Шестикнижие» Константина Арменопула (АНВ.I.13.020; АНВ.II.01.009; АНВ.II.01.035; АНВ.II.10.005; АНВ.Schol.IV.10.001), где могут быть отмечены оба указанных понятия.

Однако важнейшими источниками изучения «улучшений» на протяжении всего византийского Средневековья остаются акты и документы. Поэтому вместо обширного историографического предисловия уместно перейти к изложению фактических материалов и наблюдениям над особенностями названного концепта. Он отображал в представлениях византийцев не только практическую деятельность в сфере сельского хозяйства, в особенности земледелия, но и мотивацию необходимости уже упоминавшихся так называемых улучшений. И в аргументации

указанных посылок состоит, пожалуй, главная задача настоящего исследования, которое является предварительной ступенью изучения поставленной проблемы.

Общие представления. На первый взгляд, прекрасным подтверждением положениям об «улучшениях», высказанным в современной византистике, мог бы служить «Типик» Григория Пакуриана, который известен также как «Устав Петрицонского монастыря», то есть монастыря Св. Богородицы Петрицитисы (конец XI в.)². В обширном перечне перечисленных в составе этого «Типика» актов, в том числе жалованных монастырю и его привилегированному учредителю, Григорию Пакуриану, грамот, удостоверяющих права монастыря на его владения, выделяется упоминание «хрисовула об улучшениях в моих имениях, строительстве крепостей, и хорионов, и монастырей» (Χρυσοβούλλιον περὶ τῶν ἐν τοῖς κτήμασι μου βελτιώσεων, οἰκοδομῆς κάστρων, χωρίων τε καὶ μοναστηρίων), который пожаловал своему военачальнику Алексей I Комнин [57, p. 248.27–28]³.

Вместе с тем, без какого-либо сомнения, представлениям об «улучшениях», каким бы образом они не были выражены, придавалась особая, всеобъемлющая значимость. Она проявляется в наставлениях Христула братии Патмоского монастыря, противопоставившего в 1091 г. «духовное улучшение» и «телесную автаркию» («ψυχικῆς βελτιώσεως καὶ σωματικῆς αὐταρκείας») [12, p. 71–72]. Тот же мотив, несомненно, присущ раскрытию идеи достижения «лучшего» в преамбуле хрисовула 1324 г. Андроника II Палеолога. Здесь воспроизводится образ легендарного Давида, царя Израиля, как «в особенности преуспевшего в лучшем предка» («μάλιστα γὰρ τοῦ βελτίστου προφθάνον») [23, № 62.1–4 etc.]. Эта пафосная характеристика, думается, оправдывает нарушение хронологического порядка изложения. Она не лишена своеобразного прагматизма, с которым средневековые византийцы описывали проделанные ими улучшения, включая процитированный хрисовул. Впрочем, в качестве очевидного доказательства превосходного владения «высоким штилем» среди составителей риторических введений императорских грамот вполне может служить и вагопедский хрисовул 1301 г. названного василевса. Пре-

амбулу этого акта завершает не вызывающий никакой двусмысленности метафоричный призыв к святогорским насельникам преуспевать «в полезном увеличении и улучшении» («εἰς αὐξήν προχωροῦντα χρηστὴν καὶ βελτίωσιν») ([23, № 31.20–23 etc.]; также см.: [23, Append. III.12–13 etc.]).

В свою очередь о прагматичном понимании современниками афонского прота Никифора «улучшений» свидетельствует его назидание в акте 1018 г., составленном по случаю утверждения Ватопедского монастыря во владении обителю Просфорион [23, № 5]. На общеафонском совете прот наставлял святогорцев блюсти нерушимо проделанные «все улучшения и обновления» (βελτιώσεις καὶ καινοτομίας ἀπάσας), как и получаемые от них доходы, без нарушения законов и божественных канонов [23, № 5.39–40 etc.]. Подобный лейтмотив звучит также столетия спустя в некоторых арендных договорах. Заключавшие их арендаторы принимали на себя обязательство «выпасть из улучшения (τῆς βελτιώσεως ἐκπέσῃεν) по распоряжению (διαταγῆν) божественного закона» [23, № 59.18–20; 24, № 84.21–22 etc.].

Несмотря на весь прагматизм византийцев, он даже в последний период существования страны явно уступал велеречивым распоряжениям хрисовула Андроника II Палеолога. Тогда, в 1294 г., государь озаботился восстановлением афонского монастыря Каракаллы, которому василевс возвращал утраченные прежде имения и имущества [49, № 1]. Указывая на то, что монастырские владения оставались доселе в небрежении, Андроник II в соответствии с принятой в ту пору фабулой документа предписывает монахам проявить «такое рвение» в «восстановлении (исправлении), и улучшении и устройении» изъятых «имений» («ἀνόρθωσιν καὶ βελτίωσιν ταύτης σπουδᾶς καὶ σύστασιν» – sic!) [49, № 1.21–23]. Ведь василевсу была ясна цель его предписаний – «самое лучшее и выгодное (τὰ βέλτιστα λυσιτελεῖ τε) царственности моей» [49, № 1.20–51].

Способы выражения. Многие, в особенности поздневизантийские, акты были буквально испещрены упоминаниями, сделанными в той или иной лексической форме, даже если они представлены элементами формуляра, о производимых здесь и там во

владениях и хозяйствах их «улучшениях» (например, см.: [23, № 3.14–15, 29–30, 35–36; № 35.9; 24, № 84.21–23; № 86.14–15 etc., 18–20; № 87.16 etc.; № 89.16 etc.; 25, № 162.6; № 163.39–40; № 180.4, 26–27; № 184.5, 6–7]). Они не пресекались на протяжении столетий, становясь предметом государственного регулирования, которое удастся проследить, по крайней мере, с периода правления императоров Македонской династии вплоть до поздневизантийского времени ([55, № 9. Vers. I, p. 170.27–30 etc.; Vers. II, p. 171.15–17 etc.; № 14. Vers. I, p. 204. 74–77; Vers. II, p. 205.85–89]; также см.: [38, p. 291, 311, 704–705]). Немалое число ссылок на «улучшения» касается не только наиболее крупных афонских монастырей, но и церковных учреждений других регионов как европейской (например, см.: [9, p. 238; 10, p. 304, 347, 378; 11, p. 91, 266, 272]), так и азиатской частей страны (например, см.: [10, p. 37 etc., 53, 56 etc., 97, 110, 285–286 etc.]), включая Патмосский монастырь (например, см.: [12, p. 186, 193, 194, 209, 223, 231–232, 240–241 etc.]; также см.: [35, № 75.18–19 etc.; parart., p. 242.12–13]). А сведения актов Константинопольского патриархата, охватывая практически весь спектр проблематики «улучшений», вполне могли бы стать основой для специального исследования⁴.

Во множестве актов представления византийцев о проделанных ими или предстоящих улучшениях выражены как посредством указанных понятий, так и глагольными формами в их сочетании с разнообразными соответствующими отглагольными производными, которые встречаются в неисчислимом количестве словоупотреблений, включая формулярные предписания⁵. Они в какой-то мере являются развитием идеи «улучшения», получившей отображение в известном «Трактате об обложении» ([36]; также см.: [48, p. 2017]). Обустройство хориона и его территории, как проистекает из текста названного трактата, было обусловлено перераспределением там производительных сил. А решение вызванных потребностями сельского хозяйства задач, судя по их описанию в трактате, у византийцев прямо ли, или косвенно ассоциировалось с представлениями о «развитии» и «результатирующих», как утверждает Ж. Лефор, «улучшениях» [43, p. 272]. Поэтому вовсе не случайно,

следует полагать, в трактате подразумеваются земледельцы, «возделывавшие и населившие» (καλλιεργήσαντας καὶ ἐκατοικήσαντας) хорион [36, р. 115.24–28 u. a.]. Их, вероятно, имеет в виду составитель трактата, когда сообщает о наблюдаемых переменнах, говоря буквально: «улучшившие (βελτιώσαμενοι) место в агридии» [36, р. 115.30–33]. Несомненно, «подобным образом улучшившие (βελτιώσαμενοι) то, что они сделали», добивались подъема производительных сил на периферии села [36, р. 115.33–37]. Согласно описанию дальнейших преобразований хориона, какая-то часть его территории была изъята или отчуждена иным способом, и она, по словам составителя названного трактата, «таким образом была населена и улучшена (ἐνοικήσθη καὶ βελτιώθη)» [36, р. 116.10–17 u. a.].

Что же касается актов, то прежде всего хотелось бы отметить те из них, где словесные изъявления об «улучшении» представлены лексическими сочетаниями в различных грамматических формах. По существу, тем самым поставлен вопрос об «улучшениях» в имениях представителей господствующего класса, которые отобразил хрисовул 1344 г. Иоанна V Палеолога. Он подтверждает неотъемлемые права монахини Ксении Султанины, вдовы Алексея Султана Палеолога, на доходы от пронии (икономии) покойного ее супруга. Тогда как фактическим их получателем являлся его сын, монахиня просила соблюдать владельческие права и в ее отношении [24, № 89]. При этом императорская грамота содержит экивок на собственнические права фессалоникийцев. Отображение их юрисдикции в актах, надо сказать, стало практически атрибутом их формуляра. В соответствии с ним, имея в виду рассматриваемый хрисовул, за родными детьми горожан признаны права распоряжения наследственными имениями по собственному усмотрению. И наряду с правом производить отчуждение собственности наследники обладали юридическими полномочиями «обустроить и улучшить ее» («συνιστᾶν καὶ βελτιοῦ αὐτήν»), а также допустимым и возможным образом «проделать превосходящее и лучшее» («τὸ κρεῖττον καὶ βέλτιον προάγειν»). Одновременно родным детям и наследникам разрешалось передавать как саму собственность, так и «совершенные

на ней улучшения» («τὰς ἐν αὐτῇ γενησομένας βελτιώσεις») [24, № 89.10–18].

Конечно, подобные формулярные предписания отнюдь не уникальны, встречаясь в целом ряде других актов указанного времени, регулирующих права не только владельцев проний, но и многих других собственников. Еще в практике 1342 г. «служитель» василевса Михаил Папулас Романос усердно дублировал и развивал приведенную фразеологию, предписывая землевладельцу, монастырю Каракаллы, «обустроить и улучшать» («συνιστᾶν καὶ βελτιοῦ») находившиеся под его опекой имения, чтобы «проделать превосходящее и лучшее» («τὸ κρεῖττον καὶ βέλτιον προάγειν») вместе с «совершенными на ней улучшениями и устройствами» («τῶν ἐπ' αὐτῇ γενησομένων βελτιώσεων τε καὶ συστημάτων») [49, № 4.4–6 etc., 44–47 etc.]. Помимо того схожие формулировки в несколько сокращенном виде содержит, скажем, филофейский хрисовул 1344 г. Иоанна V Палеолога стратопедарху Иоанну Хумну [21, № VIII.28–37 etc.] и даже обнародованный двумя годами позднее хрисовул Стефана Душана [21, № IX.94–98]. Сообразно тому хрисовул 1362 г. Андроника V Палеолога предоставляет Ватопедскому монастырю метох на Лемносе, согласно которому новое владение надлежит «обустроить и улучшить его» («συνιστᾶν καὶ βελτιοῦν αὐτὸ»), проделывая все это «к лучшему» («ἐπὶ τὸ κρεῖττον προάγειν») [24, № 117.20 etc.]. Очевидно, что подобные риторические формулы и их постоянные повторы, как характерная черта средневековой ментальности, получившая наглядное отображение в императорских актах и иных документах, к тому времени были столь приняты, что они воспроизводятся даже в фальсификациях грамот византийского правителя. Это доказывает, к примеру, подложный хрисовул Андроника V Палеолога, касающийся ватопедского метоха Просфорион [24, Append. IV.14–16]. Тому отвечает воспроизведение формулярных клише, представляющих выражение идеи «улучшения» не только посредством глагольных образований, но и самого названного понятия (βελτίωσις – βελτίωμα) в некоторых других средневековых фальсифицированных документах, допустим, Зографского монастыря (например, см.: [50, Fals. № 3.19–20; № 5.38–39 etc.; № 6.32–34 etc.]).

Распространение. Раскрывая фактические стороны «улучшений» в византийском социуме в целом, в первую очередь, несомненно, следует указать на соглашение 982 г., по которому жители Иериссо вернули Ивирскому монастырю, признанному собственником, находившийся в их распоряжении доселе земельный клин, несмотря на сделанные ими в этом самом месте «улучшения» [28, № 4.61–62]. В определенном смысле слова показательна продажа в 1001 г. земель монастыря Филадельфу, воздвигнутого в непосредственной близости к владениям Ватопедского монастыря, что служило причиной, судя по объяснению Иосифа, настоятеля обители Филадельфу, постоянных трений между братьями двух богоугодных прибежищ [23, № 3]. Уступая недвижимое свое монастыря, Иосиф указал прежде всего на землю, где был отстроен оплот божественной благодати, его виноградники и сады. А затем святой отец упомянул «улучшения», цена которых («τὴν δὲ τῆς βελτιώσεως τιμὴν») была уплачена продавцу [23, № 3.13–15]. Сделку подкрепляли последующие клаузулы составленного тогда акта. В нем Иосиф удостоверял размеры денежной суммы, выплаченной ему за «улучшение» виноградников. Далее настоятель уточнил, что речь идет о лесе, улучшениях, земле, виноградниках, садах и пахотных участках. Там производились, как остается предполагать, упоминаемые «улучшения» [23, № 3.29–31 etc., 35–37 etc.].

В последующие столетия ссылки на «улучшения» становятся систематическими. Правда, многие из них составляют неотъемлемый компонент формул предостережения от нарушения прав собственников, требующих возмещения за посягательство на чужие владения (например, см.: [28, № 20.39–40; № 21.28–29; № 26.29–30; 27, № 1.25–26]). Одна из таких «гарантий» предусматривала бдительность «улучшение» «неизбывно» (ἀνεπιλήτως) [22, № 2.47], а другая противопоставляла «улучшение» допущенному «опустошению» (κενοτομίας) имущества [22, № 4.31–32].

Сами по себе подобные формулярные предписания оказывались востребованы и в поздневизантийский период независимо от видов собственности, к которым прилагалось в случае нарушений обязательство компенсации произведенных «улучшений» (например,

см.: [18, № 85.17–19 etc.; № 86.17–19 etc.; № 87.20–22 etc.; 26, № 8.45–49 etc.; № 24.32–33 etc.; 50, Auth. № 58.6–8]). Так, акт отчуждения в 1373 г. супругой великого домостика Димитрия Палеолога Анной Кантакузиной ее имения Мариана (Амариана) Дохиарскому монастырю содержал клаузулу, предусматривающую выплату ему в случае нарушения достигнутого соглашения двойной компенсации всех расходов за произведенные тут «улучшение и обустройство» (ἐπὶ βελτιώσει καὶ συστάσει) [14, № 42.78–79 etc.]. Очевидно, все подобные отсылки изначально подразумевали «улучшение» «имущество» (τῶν... πραγμάτων) в самом общем понимании этого слова даже в случаях отсутствия прямых упоминаний их видов, ставших объектом сделки (например, см.: [23, № 34.11–12]).

Раскрывая характер концепта «улучшение», нельзя не признать того, что в течение столетий существования средневековой Византии в качестве главного объекта каких-либо улучшений вполне ясно определилось господское поместье, иначе говоря, «кtima», то есть «имение». В этом, наиболее обобщающем смысле названного понятия, показательный образчик его использования предлагает указ 1265 г. Михаила VIII Палеолога. Он, ссылаясь на принадлежащие Ватопедскому монастырю «имения», предписывает его насельникам во имя соблюдения ими монашеского образа жизни (политии) «как нужно для увеличения и улучшения восстанавливать все в ней» («ὡς δεῖ καὶ πρὸς αὐξήσιν καὶ βελτιώσιν ἀποκαθιστᾶν τὰ περὶ αὐτὴν ἅπαντα») [23, № 59.32–34]. С не меньшей выразительностью вырисовывается пример сопряжения понятий «имение» и «улучшения» в указе 1347 г. Иоанна VI Кантакузина [24, № 95]. Он, утверждая Ватопедский монастырь в управлении и опеке над столичной обителью Богоматери Психосоотрии, предписывает афонским насельникам заботиться о названной обители. Ее преуспеяние призваны поддерживать духовное попечение, «гносис», высшее знание, и сила «подаяния» («τῆς ἐπιδόσεως»), благодаря которому имения и имущества константинопольского мeтoхa надлежало привести «к лучшему в улучшении (πρὸς τὸ κρεῖττον βελτιώσεως)» [24, № 95.19–20]. Надо сказать, Иоанну Кантакузину следует в изложении идеи «улучшения»

патриарх Исидор, обнародовавший в 1347 г. свою грамоту [24, № 96]. В ней патриарх обращается к святогорцам с наставлением заботиться и опекать их метох. Исидор уповает не только на продвижение к лучшему и подаяние («τῆς ἐπὶ τὸ κρεῖττον προκοπῆς καὶ ἐλιδόσεως»), а еще, как говорится в патриаршей грамоте, на выполнение «улучшения и обустройства» («βελτιώσεως καὶ συστάσεως») «имений и имуществ» обители Богоматери Психосострии [24, № 96.22–23].

Равным образом уместно упомянуть и о передаче Ватопедскому монастырю «имений и вещей» фессалоникского монастырька Христа Спасителя по наименованию Кюркюру, что подтверждал в 1364 г. хрисовул Иоанна V Паллеолога [24, № 119]. Согласно тому василевс удовлетворил тем самым прошение Манассиса Тарханиота. Он, пребывая в фессалоникской обители в ожидании своей кончины, озаботился о том, чтобы после нее находившийся под его опекой монастырек перешел под надзор афонских монахов. Сообразно сделанному тогда распоряжению во имя заботы об их «духовной политике» и «времяпрепровождении» в монашеском уединении на них возлагалось попечение о «состоянии и улучшении, и подаянии для лучшего» («τῆς συστάσεως καὶ βελτιώσεως, ἐπὶ τὸ κρεῖττον ἐλιδόσεως») принадлежащих фессалоникскому монастырю, а стало быть Тарханиоту, «имений и вещей и остальных прав» («κτημάτων καὶ πραγμάτων καὶ λοιπῶν δικαίων») [24, № 119.12–18 etc.].

Говоря о существовании «улучшений», хотелось бы выделить акт 1085 г., освещающий поземельное урегулирование Ивирского монастыря с Феодулом, епископом Едзевы, согласно которому допускалась возможность притязаний на «улучшение» (βελτιότης ἐπιζητεῖν – sic!), касавшегося спорного виноградника [29, № 43.36–38]. В свою очередь акт продажи в 1097 г. Иоанном и его сестрой Марией недвижимых имуществ, и в первую очередь виноградника, гарантировал покупателю с передачей ему собственности права распоряжения ею, включая не только право дарить, давать в приданое и обменивать, но и «улучшать залежь» (βελτοιεῖν τὸ χέρσον – sic!) [17, № 53.23–24 etc.], иначе говоря – возделывать примыкавший к винограднику засушливый участок. Одновременно запражная

1097 г., как показывают дальнейшие в ней распоряжения, предусматривала штрафные санкции, решение о которых зиждилось на признании понесенных покупателем «всех твоих расходов и улучшений (βελτιώσεων)» [17, № 53.29–31 etc.]. Это наблюдение сопоставимо и со сведениями акта 1108 г., когда Лавра Афанасия была восстановлена в правах на издавна принадлежавшую ей на Афоне келью Профурни. В результате Лавра получила в свое распоряжение развалины, расположенные в невозделанном и заросшем кустарником месте. Оно, согласно пенальной клаузуле, будучи «улучшено» (βελτιωθέν) самой Лаврой, независимо от того, полностью или частично, требовало ее издержек, в чем, собственно говоря, афонский прот и настоятели монастырей видели существо «улучшения» [17, № 57.31–37]. Аналогично тому в 1112 г. дополнение к акту продажи Дохиарскому монастырю проастия Исон или Врион относительно недвижимого имущества, которое, судя по объяснениям, ранее было передано в монастырскую ипотеку, связывает сделанные тогда «улучшения» с израсходованными издержками [14, № 3.68–69]. Афонский же прот Феодор ставил в 1257 г. вопрос об «улучшении», которое предполагало восстановление пришедшей в упадок обители и ее земельной недвижимости. При урегулировании спора святогорских монастырей речь шла об оставшемся невыполненным требованием денежной компенсации [16, № 2.12–14 etc.].

К общему ряду возможных направлений хозяйственных и социально-экономических «улучшений» на селе, которые были немыслимы без дополнительного финансирования, относится возведение укреплений. К примеру, акт святогорского прота Дорофея, описывая в 1363 г. восстановление разрушенной врагами так называемой жилой башни, то есть оборонительной постройки Пантелеймонова монастыря, сообщает о решении, чтобы он получил от Карейского совета «подаяние и улучшение» (ἐλιδοσὶν καὶ βελτίωσιν – sic!) принадлежащего обители имущества. Благодаря, видимо, тому, в конечном счете также «иное все продвинулось к лучшему (πρὸς τὸ βέλτιον)» [22, № 13.1–8].

Между тем требует внимания составленный в начале XIV в. арендный договор

фессалоникской аристократки и другого горожанина. Ему предоставлялся земельный участок с садом принадлежавшего собственнице по наследству женского монастыря, где предполагалось строительство жилых домов. Договор ставил вопрос об «улучшении» в один ряд с порядком внесения арендной платы на основе длительного – рассчитанного на двадцать пять лет – соглашения и его продления на последующий период [26, № 7.19–22 etc.]. Аналогичным образом должен быть назван акт отказа в пользу Ивирского монастыря со стороны Константина Мармара от приобретенных им во втором десятилетии XIV в. в Фессалонике домов. Согласно сведениям документа, там размещались три виноградные давильни (μετὰ πατητηρίων). Налицо убедительное свидетельство того, что их владелец получал реальную компенсацию за произведенное им «все улучшение» (πᾶσα βελτίωσις). Оно, судя по предварительным разъяснениям, потребовало значительных расходов ([30, № 73.21–22]; ср.: [30, № 73.6]). В свою очередь, запродажная фессалоникской домовладелицы Феодоры Горгены, чье жилище было куплено в 1310 г. Ксенофоновым монастырем, предусматривала компенсацию за все расходы по «улучшению и устройению» недвижимости [26, № 9.45–48]. Схожие сведения содержат акты, составленные в сделках 1315 г., когда супружеская чета Никифора Кладона уступила свои дома в Фессалонике Ксенофонову монастырю, и 1326 г. – тогда Георгий Вутзин продал расположенную там же недвижимость Ивирскому монастырю. В этих документах предполагаемое «улучшение» ассоциировалось с клаузулой о неустойке и возмещении всех реально понесенных расходов (соответственно, см.: [26, № 10.36–38; 30, № 84.48–50]). Недаром в некоторых подобных случаях фабульные отсылки бывают обусловлены и «дачей» уплаты, и издержками вследствие понесенных «равным образом в отношении улучшения всех таковых расходов» («καταβληθησομένων ἴσως ἐπὶ βελτιώσει τούτων πασῶν ἐξόδων») и т. п. (например, см.: [50, Auth. № 27.38–40; № 32.71–74 etc.]).

Можно предполагать, что размах производимых в подобных случаях «улучшений», обусловленных строительством и перестройкой домов, бывал, по крайней мере в среде за-

житочных городских землевладельцев, весьма существенен. На это предположение наводят сведения пространного завещания 1325 г. вельможного Феодора Сарантина [23, № 64]. Принадлежавшие ему имения, даже если его землевладения не были очень обширными, складывались из десятков объектов недвижимости в городе и на селе, в Веррие и ее окрестностях, которые последовательно описаны в этом завещании. Оно воспроизводит довольно длинный перечень земель и прочих имуществ, большая часть которых была завещана в память о родителях и родне завещателя, согласно рассматриваемому документу, местному монастырю Иоанна Продрома. Несмотря на это обстоятельство, вопрос о произведенных там «улучшениях» поставлен лишь единожды вслед за сообщением о городских владениях Феодора Сарантина. Имеется в виду усадьба с жилыми и хозяйственными строениями, доставшаяся Феодору, судя по всему, от ближайшего родственника, обозначенная как «двор» (αὐλή). Он был выкуплен у некоей Кунали, и представлял, по всей вероятности, усадьбу в центре города с вновь выстроенными домами, а также сад с «кельями». Именно перестройка и обновление «всех» («ἀπάντων»), как подчеркивает Феодор Сарантин, описанных тут зданий и построек, побудили его «кратко сказать обо всех (“πάσας”) моих всецело в них улучшениях» [23, № 64.91–99].

Напротив, аренда в 1358 г. у монастыря Богородицы Петриотиссы, согласно заключенному тогда с его монахами соглашению кира Георгия Цимискиса и его семейства об аренде усадьбы в Фессалонике, точнее говоря, домов, которые нуждались, по всей видимости, в восстановлении и ремонте, потребовала выдвижения на передний план вопросов, затрагивавших их многократно упоминаемого «улучшения» [24, № 110]. Опуская второстепенные детали договора, следует отметить, что он предполагал пожизненное владение жилыми зданиями их арендаторов, самого Георгия Цимискиса, его супруги и ребенка, на условии последующего возврата домов их собственнику, монастырю, вместе с предстоящим в них «улучшением» («τῆς ἐν αὐτοῖς γενησομένης βελτιώσεως»), о чем заявлено в первой части документа [24, № 110.1–9 etc.]. Уже здесь арендаторы были названы как «улучшающие» («βελτιοῦντες»)

и «устраивающие» («συνιστῶντες»), а их обязательства практически уточняют условия аренды. Она предполагала «улучшения» («μετὰ τῶν γενησομένων βελτιώσεων») с указанием размеров и источников арендной платы [24, № 110.10 etc., esp. ll. 10–11, 12–13 etc.]. Эти описания востребованных «улучшений» повторены далее, в основной части документа, после того как его составитель от имени членов семьи арендаторов заявляет об их обязательстве «улучшать и обустраивать» их дома «по-местному» («κατὰ τὸ ἐγχωροῦν») [24, № 110.34–37 etc.]. Этим посылкам сопутствуют дальнейшие уверения в осуществлении «улучшений» супругами («τῶν ἐν αὐτοῖς γενησομένων παρ' ἡμῶν βελτιώσεων») [24, № 110.39–40 etc.]. Они в этом смысле уподоблены преемникам «братьев монастыря», то есть монастыским насельникам, которые ранее, как подразумевается, были заняты улучшением («ὡς ἂν βελτιώσαντες») жилищ «во всех отношениях» [24, № 110.43–47 etc.]. С этой точки зрения вновь формулируется обязанность членов семьи Георгия Цимиския вернуть после кончины арендованные дома монастырю вместе с предполагаемыми «улучшениями» [24, № 110.50–52]. Крайне показательно, что при этом предусмотрительно обусловлен взаимный отказ сторон по возвращению монахам их домов от взыскания какой-либо компенсации за «улучшения» («περὶ τὰς βελτιώσεις»), как и собственно ежегодных поборов в свою пользу или в пользу третьих лиц [24, № 110.53–57]. Иначе говоря, в отмеченном плане сами по себе проделанные улучшения уподоблялись аренде, которая подлежала ежегодной оплате.

Экономическую составляющую «улучшений», пожалуй, наиболее очевидным образом отобразило митрополичье постановление 1419 г., которое содержало решение относительно споров Ксенофонтова монастыря с их арендаторами из-за домов в Фессалонике, а главное эргастриев, где, по всей видимости, заготавливали и продавали соленья и производилась виноторговля [26, № 32]. Благодаря усилиям арендаторов доходность указанных заведений многократно выросла и к тому же возникла угроза полного отчуждения монастырской собственности. Монахи, узнав об этом, требовали уплаты крупных денежных сумм и возвращения принадлежавшей мона-

стырю недвижимости, тогда как арендаторы отвергали их претензии. Эти взаимные упреки в экономическом плане выражало понятие «улучшение», которое находило прямое приложение не только в пылу риторической полемики, когда игумен, экклесиарх и эконом заявили об «устроении», «улучшении» и «самого лучшего» подаяния» (Ἐπὶ συστάσει γὰρ καὶ βελτιώσει καὶ ἐπὶ τὸ κρεῖττον ἐλπίδῳσει) в пользу своего монастыря [26, № 32.20–21]. Понятие «улучшение» стало главным критерием и при исчислении реально понесенных обеими сторонами издержек и сделанных выплат [26, № 32.26–28, 36–37]. С иных позиций, но под тем же углом зрения характер «улучшений» вырисовывается в акте 1432 г. относительно аренды принадлежавшего в Фессалониках патриаршему монастырю Неа Мони эргастирия по изготовлению льняного масла (λίνελαίου). Новый арендатор берет на себя обязательство «устраивать и улучшать» (συνιστᾶν καὶ βελτιοῦν) процесс отжима и заботиться об «устроении и улучшении» (συστάσεως καὶ βελτιώσεως) эргастирия так, чтобы в конце жизни арендатора монастырю его имущества вернуть «устроенными и улучшенными» (συνισταμένα καὶ βεβελτιωμένα). С этой целью выражается готовность наряду с уплатой арендной платы израсходовать средства, необходимые для поддержания арендованного предприятия в рабочем состоянии [19, № 168.5–6 etc., 10–15 etc.].

Во многих актах рассматриваемые понятия становились одним из компонентов предписаний властей, светских ли, или духовных, которые касались образа жизни различных групп византийского социума. Разумеется, в первую очередь свидетельства монастырских актов относились к жизни самих монашествующих. Так, афонский прот Нифон передает Ватопедскому монастырю своим актом 1347 г. келью Калеци ввиду угрозы ее уничтожения из-за безвременья и нападения варваров. Келья была построена во имя «устроения и улучшения», которыми-де, увы, протат «не воспользовался в течение самого кратчайшего времени» («ὧν οὐδὲ τὸ βραχύτατον ἀλώνατο») [24, № 94.15–18 etc.]. А далее, продолжая, прот подчеркивает, что новому обладателю кельи, Ватопедскому монастырю, предстоит удостоить заботы («пронии») и задать направление

своему кормилу («κυβερνήσεως») на сохранение домов и «имений», прежде отстроенных к «лучшему и более превосходящему» («τὸ βέλτιον καὶ κρείττον»), что подразумевало саму жизнь пребывавших там святогорцев [24, № 94.25–31 etc.]. Сообразно тому, Иоанн V Палеолог в своем хрисовуле 1355 г. призывает филофейских насельников, избравших жизнь в Боге и живущих боголюбиво, «улучшать души» («ψυχὰς βελτιοῦν») и побуждает их устраивать свою «политию» в обители так, чтобы идти по пути от «улучшенного» ими к «более превосходящему» («βελτιωθὲν περὶ τὸ κρείττον») [21, № X.38–39 etc., 176–177].

Подобные наставления не отменяли вопроса о сохранности господских имений и имуществ. Подтверждение можно найти, допустим, в жалованном хрисовуле 1357 г. Иоанна V Палеолога монастырю Пантократора относительно келии Равдуха. Согласно тому утвержденным в качестве ее ктиторов великому примикирию Алексею и его брату севастократору Иоанну вменялась забота о «хорошем учреждении и боголюбивой политии», равно и «устроении к лучшему и улучшении» (τῆς ἐπὶ τὸ κρείττον σὺστασεως καὶ βελτιώσεως) принадлежавших святогорцам «имений и имуществ» [20, № 4.12–16 etc.]. Соответственно тогда же патриарх Каллист I признал названных ктиторов «устрояющими и улучшающими» по всему их боголюбивому намерению и воле [20, № 5.31–32 etc.]. В свою очередь, лишённая «всего улучшения» и заботы отшельническая келья Каллиграфу на Афоне в середине XIV в. была продана корейским советом Дохиарскому монастырю с назиданием «обустроить и улучшить» прилегающую к ней территорию, что в целом поддержал и патриарх Каллист ([14, № 24.56–57 etc., 65–66 etc.]; также см.: [14, № 30.31–32]). А полуторадесятью лет ранее вышеназванный василевс утвердил Лавру Афанасия в правах «устраивать... и улучшать» (συνιστᾶν... καὶ βελτιοῦν) переданные ей столичные имения, в том числе богодельню и странноприимный дом, предусматривая возможность производить там «...все приращение, и увеличение, и улучшение» (ἐπὶ... πᾶσιν ἐπίδοσιν καὶ ἐπιαύξησιν καὶ βελτιώσιν) [19, № 123.187–188; 190–192].

Прагматика. В целом аналогичные распоряжения насаждают определенный,

соразмерный представлениям собственников порядок жизни, исполненной «приращения и улучшения» (например, см.: [18, № 115.24–25]) и стремления «увеличивать» (αὐξάνειν), «устраивать и улучшать» (например, см.: [26, № 17.64–65; 13, № 3.15–16; 16, № 17.38; № 25.15; 31, № 94.56–58 etc.]; также см.: [13, № 9.26–27; 16, № 23.19 etc.; № 27.10–13; № 29.12–13]). Афонский прот Исаак, передавая 1325 г. под опеку насельников Алипийского монастыря заброшенную келью, характеризует их нынешнего и всех предшествующих настоятелей, как подвижников «в... увеличении, и подаянии (ἐπίδοσιν), и улучшении», обращенном, в конечном счете, на монастырское имение [16, № 12.7–8 etc.]. Те же самые мотивы «заботы в отношении лучшего (πρὸς τὸ κρείττον) подаяния» сопутствуют идее «улучшения» и в сделанном в 1330 г. заявлении монастырского ктитора Матфея, вдохновленного объединением его обители с Кутлумушским монастырем, которое по существу касалось всего образа жизни братии [16, № 16.10–13 etc.].

Трафаретные, казалось бы, на первый взгляд, формулярные предписания актов получали особый смысл, когда урегулирование частноправовых проблем, переходя условные границы государственного администрирования, охватывало сферу публичного права. В этой связи, наверное, надо отметить подобного рода грамоты, как, например, хрисовул 1351 г. Иоанна VI Кантакузина. Он, подтверждая права Ивирского монастыря на его имения, предусматривает для их содержания соблюдение принципа «устроения, и увеличения, и улучшения» (συστάσεως, αὐξήσεως τε καὶ βελτιώσεως) [31, № 91.78–79].

В этом свете беспрецедентным образчиком соблюдения прав в отношении «улучшений» демонстрирует опускающее, к сожалению, не только собственные имена главных персонажей, но и прочие подробности, требование митрополита Лариссы к эконому ватопедского метоха Св. Маманта выполнить решение вселенских судей, касающееся незаконно построенной в землевладении великого гетериарха (ἐταρειάρχου) водяной мельницы [24, № 104] ⁶. Суд, вынося свое решение, вероятно, учел и общественные позиции афонского монастыря, которому подчинен метох,

и высокий ранг армейского командующего. И потому было предложено, с одной стороны, чтобы «улучшение водяной мельницы» («ἡ βελτίωσις τοῦ ὑδρομύλωνος») получило оценку видных мужей с целью выплаты его «цены» (τὴν τιμὴν), которую должен был компенсировать сановник, если сооружение еще не разрушено и строительные материалы не были возвращены метоху. С другой стороны, монахам надлежало самим разобрать строение и забрать строительные материалы с «места», на котором стояла мельница, в установленный срок, в течение 33 дней. В противном случае военачальнику предоставлялось право самому произвести разборку мельницы и очистить от строительных материалов принадлежащее собственнику «место», как подразумевается, без компенсации указанного «улучшения» [24, № 104.2–4 etc.]. Очевидно, оно само по себе заключалось в сооружении мельницы, требовавшего в процессе строительства расходов.

Безусловно, в урегулировании подобных описанному судебному делу конфликтов играли свою роль иммунитетные права крупных собственников. Сведения об их полномочиях содержат, к примеру, некоторые хрисовулы Андроника II Палеолога. Один из них в 1321 г. подтвердил прежние и пожаловал новые иммунитетные привилегии супруге серрского митрополита, касающиеся выделенного ей орфанотрофом Кедриним земельного клина Опсара в хорионе Кенургииций [16, № 10] ⁷. Поэтому все формулярные предписания указанной грамоты «устраивать и улучшать по их возможности», выполнять «улучшение и увеличение» с правом передачи земли вместе с возможным ее «улучшением» детям и наследникам так или иначе оставались в сфере контроля податных чиновников, которым вменялось соблюдение прав землевладельцев [16, № 10.11–22 etc., 52–64 etc., 71–75 etc.]. Аналогичные меры предписаны и в хрисовуле 1322 г., налагающем ограничения на действия местных властей в отношении произведенного «улучшения» (ἐπὶ τῇ γενησομένη ἐπὶ τοῦτοισ βελτιώσει) в землевладениях Алипийского монастыря в ряде сел долины Стримона [16, № 11.37–39].

Впоследствии Стефан Душан наделял афонские монастыри, в частности Ивирский монастырь, правом «устраивать и улучшать»

(συνιστᾶν καὶ βελτιοῦν) монастырские имения и метохии. В их ряду перечислялись такие села, как Радоливо, Овило, Добробикия, Гомату и другие поместные поселки, чтобы «все в них улучшенное в будущем» (τὰ ἐν αὐτοῖς βελτιωθησόμενα) находилось под незыблемой властью обители [31, № 90.1–7 etc., esp. II. 54–56 etc.]. Позднее Иоанн VI Кантакузин, жалую находившегося на императорской службе Димитрия Кавасилу в 1347 г. доходами «от сел», проводил эту акцию в сфере публичного управления. Это нашло отображение в клаузуле хрисовула, гарантирующей права распоряжения, наряду с предписанием «устраивать и улучшать» переданную сподвижнику василевса «посотис» (денежный доход). Одновременно для ее получателя грамота предусматривала право передать полученную «посотис» детям и преемникам «вместе и с тем, что в ней будет улучшено» (μετὰ καὶ ἐν αὐτῇ βελτιωθησομένων) [13, № 2.41–46 etc., 52–56 etc.]. Само по себе это пожалование обретало подлинное общественное значение. Оно, пожалование, прилагалось к селам так же, как еще один из хрисовулов Стефана Душана в полном соответствии с византийской традицией предоставлял Эсфигменскому монастырю не только право «устраивать и улучшать» свое хозяйство в хорионе Портарея «в соответствии с местным и возможным» для обители «образом». Тогда Стефан Душан предписывал обладать тем, что «будет улучшено» в предоставленных ей частях села (τὰ ἐν τοῦτοισ βελτιωθησόμενα), с «подобной властью и защитой», а также неприкосновенно [27, № 22.35–38].

Действительно, такие задачи обычно сочетаются с требованием блюсти проделанные «улучшения» неколебимо, словно сами недвижимые имения [19, № 127.19–20, 21–22, 25–26]. Ими надлежало по праву «владеть, увеличивать их и улучшать, словно мощь (ὡς ἡ δύναμις), и из них весь и всяческий извлекать доход» [15, № 6.20–21]. Так, Ватопедскому монастырю предписывалось, как это сделал, скажем, Иоанн V Палеолог, прибегнув в своем хрисовуле 1356 г. к довольно витиеватой формулировке, и монастырскими метохами, и прочими имениями, включая села, владеть «вместе с улучшениями в них» нерушимо и так далее, равно беспрепятственно собирать там подати и платежи [24, № 106.52–58 etc.].

Здесь хотелось бы сослаться на сигиллий Иоанна V Палеолога, который в 1342 г. жаловал «через экономию» денежным «посотисом» страгиотов-«клазоменитов»⁸. При этом византийский правитель вменял им «по праву устраивать и улучшать» их капиталы, равно и «для вящего и лучшего (ἐπὶ τὸ κρεῖττον καὶ βέλτιον) проводить», сообразуясь с позволенным и возможным образом действия [16, № 20.8–9 etc.]. Показательно, что страгиотам надлежало все «будущие улучшения» (τὰς... γενησομένης βελτιώσεως) «отказать» своим родным детям и наследникам [16, № 20.10–12, 15–17 etc.]. Собственники же сами давали своим правопреемникам назидание «...увеличивать, и улучшать, и делать все кажущееся правильным...» (...αὐξεῖν καὶ βελτιοῦν καὶ ποιεῖν πάντα τὰ δοκοῦντα...) [31, № 96.10–11 etc.].

Иногда ссылки на «улучшения» приобретают откровенно конвенциональный характер, который соответствует состоянию финансов у инициаторов производимых в их владениях «улучшений». Касаясь этой стороны вопроса о них, было бы опрометчиво упустить из виду продажу комфортабельно отстроенного дома в Фессалонике, который продала в 1327 г. Феодоти, супруга Иоанна Фалкона. Покупателем дома выступил Иоанникий Паизос, монах Ватопедского монастыря, который выложил покупателем довольно значительную денежную сумму [23, № 65]. При этом заключительная клаузула составленного тогда акта продажи, обуславливая нерушимость совершенной сделки, закрепляла обязательство продавца в случае его отказа от продажи вернуть покупателю не только двойную сумму приобретения, но и компенсации за его предполагаемые издержки «в отношении улучшения и устройства» («περὶ βελτιώσεως καὶ συστάσεως») проданного имущества, не говоря уже о штрафе, взимаемом «из имущества и ипостаси» нарушителя сделки [23, № 65.35–37 etc.].

Аналогичны также условия продажи в 1374 г. домов в одном из кварталов Фессалоники метоху Ватопедского монастыря. Их продавец, Иоанн Раматас, который, получив деньги, своим актом продажи гарантировал покупателю не только право собственности, включая владение, отчуждение и наследование, но и возможность «улучшать» здания [24, № 140.47–50 etc.]. И потому логичным выгля-

дят обязательства подавца в случае нарушения им договора продажи вернуть монастырю двойную цену домов, равно как компенсировать все понесенные покупателем расходы за «улучшение и состояние» («ἐπὶ βελτιώσεως καὶ συστάσεως») приобретений, не говоря уже о штрафе [24, № 140.60–65 etc.].

В любом случае ненадлежащее соблюдение условий сделок и договоров, в частности, арендных соглашений, как уже отмечено, влечет их разрыв «согласно распоряжению божественного закона». Так, Константин Клоба, по всей вероятности, житель Фессалоники, принимая в 1323 г. на себя обязательство возделывать виноградник в топотесии Неохорион, берется соблюдать условия заключенного соглашения. В ряду прочих его требований обозначено положение, по которому нарушение договора арендатором влечет расторжение соглашения. Константин Клоба обязывается буквально «выпасть из улучшения (τῆς βελτιώσεως ἐκπέσωεν)» [23, № 59.18–20]. Такую же клаузулу содержит и ватопедский акт 1339 г., заключенный с Димитрием Палатисом также с целью аренды земли для возделывания виноградника. Согласно повторенному здесь почти в точности положению, арендатор обязуется равным образом «выпасть (ἐκπέσωεν) из улучшения» [24, № 84.21–22 etc.]. Подобная же судьба ожидала тех арендаторов, кто не озаботился и не потрудился в соответствии с требованием заключенных соглашений сохранить свое «улучшение целым» («τῆς βελτιώσεως ἀμειώτου περιωζομένης») как условия продления аренды по истечении срока договора [24, № 86.14–15 etc., 18–20 etc.]. В свой черед выполнение указанного обязательства о сохранении «улучшения» открывало возможность продления договорных отношений на заранее оговоренных, правда, довольно жестких условиях выплаты телоса [24, Vatop. II. № 87.16 etc.; № 90.14–15 etc.; № 106.22–25 etc.].

Совершенно иная, на первый взгляд, картина возмещения за «улучшения» представлена в ватопедском акте 1401 г. аренды [25, № 186]. Несмотря на несомненно кабальные ее условия, этот акт со всей очевидностью свидетельствует, что некий Мануил Потос решил на арендувание монастырской водяной мельницы в Веррие. Он принял на себя обя-

зательство поддерживать мельницу в рабочем состоянии, а также был вынужден согласиться, если мельница выйдет из строя, полностью возместить арендодателю недополученную им прибыль за счет своих собственных средств даже в случае собственной кончины. При этом арендатор допускал возможность «обнаружения» какого-либо сделанного им «улучшения» («ἂν εὐρεθείῃ ἔχων βελτιώσεως τῆς παρ' ἐμοῦ γενησαμένης»), которое преемнику арендатора надлежало вернуть монастырю [25, Vatop. III. № 186.4–16, esp. ll. 13–15].

Восприятие. Раскрывая содержание понятия «улучшение» с различных сторон, необходимо признать, что оно в зависимости от описываемых условий приобретает дополнительные коннотации. Их обуславливало влияние разнообразных факторов, начиная с фискально-юридической значимости и кончая морально-этическими оценками. Они определенным образом сказывались на значении соответствующих глагольно-сказуемых высказываний типа «улучшать» и тому подобных выражений в распорядительных юридических формулах и клаузулах актов, касающихся прав и обязанностей правопреемников. Им вменялись права отчуждать и возделывать их владения (подробнее см.: [4, с. 144; 5, с. 85 и далее]). Соответственно в одном ряду с обозначениями таких прав собственников, как «продавать», «дарить», «обменивать» и прочими формами отчуждения имущества, предписывалось их «улучшать» (например, см.: [17, № 63.40–41; 26, № 7.31–32 etc.; № 8.30–32 etc.; № 9.29–31 etc.; № 24.22–24 etc.; 20, № 7.9–11 etc.; 30, № 78.31–33 etc.]). Это касается также сферы собственно крестьянского землевладения, что обнаруживается в процессе производимых мелкими земельными собственниками отчуждений земельных участков или иной недвижимости, когда покупатель наряду с прочими правами распоряжения своим новым наделом получает санкцию его «улучшать» (например, см.: [30, № 64.13–14 etc., 30–31, 47–48 etc.]).

С другой стороны, подобные изъявления издревле заключали в себе морально-этические аффекты, вызванные прямыми требованиями к собственнику оказывать «заботу» о собственности. С этой точки зрения может быть рассмотрена позднейшая копия дарственной известного ивирского игумена

Евфимия (XI в.) его духовному сыну Иоанну. Независимо от того, подлинный это документ, или, может быть, нет, Евфимию приписаны наставления вершить «заботу» о переданном духовному восприемнику для его кельи земельном участке (τοῦ πρόνοιάν σοι τόπον εἰς σύστασιν κελλίου ποιήσασθαι), который Иоанну надлежало возделывать. Поэтому последующие распоряжения Евфимия в этом документе весьма предусмотрительно допускают возможность возврата Ивирской лавре участка и произведенных на нем улучшений (τὰ ἐν αὐτῷ βελτιωθέντα) [17, Append. VI.9–11 etc., 19–20 etc., 23–24].

Наиболее очевидны в данном плане, как показывает грамота 1369 г., наставления патриарха Филофея. Он увещивает своих последователей проявлять «крепкое попечение» и «всяческий уход» (προνοιάν ποιεῖσθαι ἰσχυρὰν παντοίαν καὶ ἐπιμέλειαν), в результате которых имения «улучшаются и увеличиваются» (βελτιῶνται καὶ αὐξῶνται) [20, № 8.16–18]. Сходное наблюдение возможно сделать, обратившись и к акту святогорского прота Исаака, составленному во второй четверти XIV в. ввиду объединения Кутлумушского монастыря с небольшой обителью. Отправляясь от риторичного вопроса о богоугодном деянии, которое претворяется как реорганизация «всех и всячески в общность и многообразно и создаваемых, и улучшаемых (πολυτρόπως οἰκοδομημένων τε καὶ βελτιουμένων)», прот переходит к прагматическому рассмотрению хозяйственного обустройства обители, направленного на ее «устройство, и увеличение, и улучшение» [16, № 15.21–25, 47–52]. Через столетие, после объединения Кутлумушского и Алипийского монастырей, в заботе предотвратить упадок и разорение названной обители патриарх Иосиф II вместе с другими иерархами не просто требует от афонских насельников того, чтобы в будущем она обновлялась «во всех отношениях» и улучшалась (ἀνακαινισθήσεται πάντως καὶ βελτιωθήσεται) [16, № 44.19–22]. Для этого владыка, определяя условия слияния двух монашеских общин в одну братию, одновременно вменяет подвижникам заботу и об «устройении и улучшении по возможности же» одного монастыря, и равно имениях, имуществах и утвари другого – во имя его «улучшения, и по всяческому образу

подаяния (ἐπιδοσεως) их и увеличения» [16, № 44.28–30 etc.].

На фоне хозяйственных же преобразований определяется и роль «улучшений», произведенных стратиотом Георгием Контостефаном Каламеа. Он в 1309 г. вместе со своей супругой оставил близ Мелника в дар Ивирскому монастырю целое поместье: виноградник, хорафии, луг, двор и сооруженные владельцем строения, включая мельницу и храм ([30, № 71]; также см.: [30, № 72.134–135]). Во всяком случае даритель не удержался от того, чтобы указать на размах «улучшений»: «это и настолько в них улучшил» (ταῦτα καὶ ὅσα ἐν αὐτοῖς ἐβελτίωσα) [30, № 71.24]. Однако остается не ясным, относится ли упоминаемое в дарственной «улучшение» только к насаждениям, или также, что следует предполагать, к постройкам, в том числе – храму [30, № 71.31–33]. Одновременно хотелось бы обратиться к акту 1313 г., когда севаст Константин Панкал, приняв монашеский постриг под именем Косма, посвятил в константинопольский монастырь Пантократора все свои немалые имущества. Они включали дома, хозяйственные постройки, земли и культовые здания в г. Серры и его окрестностях [16, № 8]. Поскольку многие из строений были вельможей отстроены заново или восстановлены наравне с насаженными виноградниками, составитель акта определяет, чтобы названный монастырь владел «всеми нашими имуществами и улучшениями» (τὰ ἡμέτερα πάντα καὶ βελτιώσεις), относящимися к церкви (ὅσα πάντα προσήλωσα τῇ ἐκκλησίᾳ). Под ней подразумевается выстроенный в Серрах храм [16, № 8.32].

Действительно, как отчасти уже показано, известны многочисленные примеры, когда заботы и «улучшения» напрямую касаются храмов, монастырей и других церковных строений и учреждений. Такого рода факты обнаруживаются с непреложной ясностью, скажем, в ряде актов Патмосского монастыря (например, см.: [12, р. 186, 193, 194, 209, 223, 231–232, 240–241 etc.]; также см.: [35, № 75.18–19 etc.; рагаг., р. 242.12–13]). Подобные ссылки на концепт «βελτίωσις», обладавший, надо признать, широким содержанием, встречаются и в актах Лемвиотисского монастыря. Здесь названный концепт перемежается с семантически близкими понятиями в целом ряде фавуль-

ных лексических формулировок. Они требуют внимания, в особенности тогда, когда предполагают «устройство и улучшение». Последнее предусматривает обустройство интерьеров храмов в метохах и в самом Лемвиотисском монастыре (например, см.: [10, р. 53, 56, 97, 110, 285–286 etc.]). Аналогичные закономерности обнаруживаются в актах Латрского монастыря, Макринитиссы, Новой Петры и других монастырей [10, р. 304, 347, 378]. А в афонских актах предметом одной из достигнутых по обсуждаемому поводу договоренностей, в частности, стала «святая церковь улучшенная и устроенная» (ἡ... ἁγία ἐκκλησία βεβελτιωμένη καὶ συνισταμένη), в то время как равным образом приходилось «устраивать» и «улучшать» и другие храмы и монастыри, производить «все» для их «устройства и улучшения» ([30, № 60.18–19]; также см.: [30, № 68.30–33 etc.; 16, № 30.29–30; 19, № 150.4–5]). Так, в 1325 г. афонский прот Исаак, решая дальнейшую судьбу сильно пострадавшего от захвата иноплемениками села Комитисса, на владение которым претендовали Ватопедский и Хиландарский монастыри, отдает названное селение последнему. Святогорский управитель, надо сказать, руководствовался не столько состоянием хориона, сколько благополучием афонских обителей, демонстрируя заботу, по крайней мере, об одной из них. Иначе трудно объяснить упоминание в составленном тогда документе об «улучшении монастырька» («τῆς τοῦ μονηδρίου βελτιώσεως») [23, № 63.45–54 etc.]. Аналогичные мотивы обнаруживаются и в случаях организации адефатов [50, Auth. № 56.27–28 etc.]⁹. В свою очередь, основатель одного из богоугодных учреждений в первой трети XIV в. напутствует своих сподвижников и воспреемников заботиться о спасении, духовном преуспевании (προκοπῆς) и «улучшении (βελτιώσεως) монастыря к лучшему» [14, № 17.17 etc.].

Равным образом в 1343 г. фессалоникский митрополит, уступая Ксенофонтону монастырю в одном из центральных городских кварталов служившую прибежищем смиренному старцу небольшую «кельицу», наставляет заботиться о ней, «улучшать и устраивать». Владыка призывает к исполнению всего «в улучшение и увеличение благоденствующего», а также предписывает по кончине

укрывающегося в сей обители иеромонаха его преемнику владеть кельей так, чтобы «улучшать и устраивать, как может», подобно посвятившим себя богу избранным мужам [26, № 26.16 etc., 23 etc., 29–30 etc.]. Десятилетием же ранее афонский прот Исаак, описывая состояние обители Неакиту, признает, что она столь значительно утратила ныне «и красоты, и улучшения» (πλεῖστον ὄσον ἡλαττωμένη τῆς νῦν καλλοῦντος τε καὶ βελτιώσεως). Потому единственным добавлением к сказанному служит только предположение о широком понимании смысла слова «улучшение» в акте названного главы святогорцев [15, 4.7–10 etc.]. С указанных позиций надлежит рассматривать также передачу в 1357 г. от монастыря Каракаллу насельникам Зографского монастыря храма Св. Николая с тем, чтобы они заботились об его «устройении и улучшении». Новым поручителям названного храма вменялось в обязанность по сути дела содержать находящегося здесь «духовного мужа» во имя выправления его прегрешений [50, Auth. № 39.9–16].

По всей вероятности, равнозначное отношение к предусмотренным «улучшениям», которые оказывались так или иначе сопряженными с возможными «увеличениями» (ἐλαύξεις), демонстрировали монастырские настоятели и в принятом ими под председательством прота Саввы решении 1371 г. передать один из афонских монастырьков сербскому деспоту Иоанну Углеши [26, № 31.6–7, 9–10]. Тогда же святогорский протат передал Ватопедскому монастырю заброшенную келью Триполиту. Ее останки нуждались в «восстановлении, и улучшении, и местном попечении» («ἀνάκτησιν καὶ βελτίωσιν καὶ τὴν ἐγχοροῦσαν ἐπιμέλειαν») [24, № 138.4–6]. А в конце XIV в. старец Илия по своей немощи не смог, видимо, ничего предпринять «для улучшения» находящегося в нужде небольшого монастырька Христа Спасителя, где насельник нашел себе приют. Поэтому афонский протат под эгидой Иеремии принял постановление о незамедлительной передаче названной обители Кутлумушскому монастырю [16, № 42.10–11].

Наконец, требует внимания распорядительная клаузула составленного в первой трети XV в. акта посвящения монастырю Дионисия храма Св. Николая в крепости Котзинон на

Лемносе. Этот документ предписывает от имени ктитора, выражая его мысль на «сочном», если допустимо так говорить, языке, названную церковь «возулучшить» (ἀναβελτιοῦν) и, «по возможности», «увеличить» [13, № 12.33]. Во второй четверти XV в., в 1438 г., фессалоникский митрополит Григорий санкционировал передачу под попечительство семейства (отца и его двух сыновей), по всей видимости, обеспеченных горожан, пришедшую из-за бедности местного монастыря в ненадлежащее состояние церковь Св. Параскевы. Сделав на этом упор, митрополит выразил надежду на помощь со стороны новых покровителей, которые, по всей видимости, обещали произвести «улучшение по силе» («βελτιώσεως κατὰ δύναμιν»). Несомненно, эта словесная формула подразумевает финансовые возможности покровителей, поскольку далее речь заходит об уплате ими в пользу митрополии налога и выполнения прочих церковных поборов [25, № 224.10–11 etc.].

Еще в 1280-х гг. афонский прот Иоанн, может быть, в более скромных выражениях, чем это делали впоследствии, обосновал решение передать Лавре Афанасия пришедшую в упадок обитель Амальфитян заботой об «обновлении» (ἀνακάτισιν – sic!), «сбережении» (περιποίησιν) и «улучшении» как самой Лавры, так и приданого ей монастыря [18, № 79.6 etc., 9–10, 14–15 etc.]. Тогда утверждая указанное решение, патриарх Григорий II равным образом руководствовался заботой и «прибавлением к лучшему», с чем, видимо, неотъемлемым образом ассоциировалось «улучшение» [18, № 80.13–15], а василевс Андроник II Палеолог уповал на «улучшение и всяческое устройство» [18, № 81.9–10, 12–13]. При схожих обстоятельствах патриарх Афанасий I в заботе об обителях призывал к преуспеянию «в высокой цене улучшения» (ἐπὶ τῷ πολλῷ βελτιώσεως προκόψει) [18, № 82.9–10]. В свою очередь названный император полагался на «успех в лучшей форме и улучшение» (τῆς ἐπὶ τὸ κρεῖττον προχωρήσεως καὶ βελτιώσεως) [18, № 103.41–42 etc.], не забывая, однако, как и в предшествующем своем пожаловании, об «устройении и улучшении» [18, № 115.14–17].

Не вызывает сомнений и воспроизведенный в митрополичьем постановлении 1365 г. рассказ эсфигменского монаха кира Манаси

о храме Св. Георгия в монастырском имении в хорионе Зинтзу. Здесь, согласно дополнениям других свидетелей, лет двадцать тому назад отстроил сельскую церковь, начиная с фундамента, именитый, правда, ныне покойный, ктитор Каппадок. Он, как подчеркнул Манаси, «и улучшил, и населил» это «место», прежде «пустынное» и «во всех отношениях бесполезное» [27, № 27.4–6 etc.].

Нельзя не сослаться также на акт 1335 г. о подтверждении прав Ксенофонта монастыря на переданные ему от прониаров земли на территории хориона Заварникия. Там стоял храм, который монастырь в течение двадцати лет «улучшал в... улучшение немалое» (ἐβελτίωσεν ἐπ' αὐτοῖς βελτίωσιν). Впрочем, нет никакой ясности, распространялись ли предпринятые меры на описываемые тут же земельные участки, а также водяную мельницу с прилегающими садами и виноградниками [26, № 23.9–19]. К сожалению, лишь косвенные указания позволяют признать предположение о том, что сделанные «улучшения» касались не только сельского храма, но и прочей недвижимости. В соответствии с дальнейшими предписаниями межевщика монастырю предстояло заботиться и об «улучшенном», и о том, что «будет улучшено» (μετὰ τῶν ἐν αὐτῇ βελτιωμένων καὶ βελτιωθησομένων) [26, № 23.49–53 etc.]. С другой стороны, сказанное не отменяет заботы святогорцев о насущном. К примеру, в первом десятилетии XV в. афонский прот Иеремия предоставил ватопедской братии часовню Св. Василия с «ливადием» для того, чтобы монастырь, испытывая нужду в меде и воске, «улучшил» («βελτιοῦν») свою пасеку [25, № 193.1–4 etc., 21–22 etc.].

В действительности постоянные ссылки на «улучшения» нередко одновременно перемежаются с наставлениями и предписаниями «улучшать», возделывая земельные наделы. Так, в 1287 г. святогорский прота Иоанн, удовлетворяя прошение монахов Кутлумушского монастыря, вспомнил о том, сколь они были успешны в «улучшении» и восстановлении скита Св. Илии и поля, на котором он стоял [16, № 3.3–5 etc., 12 etc.]. В этом плане довольно показательны признания афонского прота Исаака в акте 1317 г. о том, что на Святой горе в течение длительного времени множество мелких монастырьков и часовен

пришли в упадок. Необходимость заботы о них обращается их передачей под власть сохранившихся обитателей, которым вменяется «всей мощью опустошенное улучшать (βελτιοῦν)» и отстраивать [15, № 3.1–7]. Взявшие на себя труды в отношении заброшенного метоха Скамандрину и его пустынной и заросшей земли кутлумушские монахи, как о них рассказывает постановление протата, усердно заботятся, работают, «улучшают» (βελτιοῦντες), насаждают, строят дома и иное делают «к поддержанию» (πρὸς σύστασιν) названного монастыря, а главное – «очень хорошо и трудолюбиво возделали (καλλιεργήσαντες)» издревле принадлежавшее метоху «масличное поле», уплатив немалые издержки «к его улучшению» (πρὸς τὴν τοῦτου βελτίωσιν). И это все в своей совокупности Исаак и его сподвижники по святогорскому совету характеризуют как «великую... помощь» [15, № 3.17–20].

Наиболее убедительным красноречием, наверное, исполнен акт 1392 г. афонского прота Иеремии. Он, подтверждая монастырю Пантократора права на земельные имения, не просто признал обладание ими «удивительным – самым вожеленным и предпочтительным в том, чтобы приобретать самое лучшее из всего» (τὸ θαυμαστόν εὐκταϊότατον καὶ τὸ πρὸς τὰ βέλτιστα ἐπεκτείνεσθαι πάντων προτιμότερον ἦν) [20, № 14.22–23]. Прот увещевал святогорцев «...доколе настоящий век удовлетворял бы, имея право возделывать, улучшать и производить прибавление в самом лучшем» (...μέχρις ἂν ὁ παρὼν διαρκοίῃ αἰὼν, ἄδειαν ἔχουσα καλλιεργεῖν, βελτιοῦν καὶ πρὸς τὴν τῶν βελτίστων ἐπανάγειν ἐπίδοσιν...) [20, № 14.28–30]. В свою очередь другой афонский прот в конце XIV в., рассуждая о древнем обычае предоставлять наиболее чтимым насельникам Святой горы кельи, наставляет игуменов передавать монастырские кельи «неразрушенными», и не находящимися в заброшенном состоянии из-за небрежения («ἀδιάφορα»), но «улучшенные» («βελτιωμένα»), приносящими пользу для здоровья и доход от вина, оливкового масла и фруктов [25, № 182.А.3–4; № 182.В.2–4].

Правда, любые «улучшения» подразумевали упорный труд. Поэтому протостатор, предположительно, Синадин, делая во второй четверти XIV в. вклад в Алипийский мона-

стырь, не только говорит о своем стремлении его «устроить и улучшить» сообразно своим возможностям (ὡς ἔχω δυνάμειος), но и уповает, что его насельники равным образом будут «устраивать и улучшать», то есть насаждать в обители виноградники «в сбережение и улучшение» ее монастырских (τῶν... μονηδρίων) [16, № 14.4–5, 13–15]. Повседневная действительность, как обнаруживают акты прота Даниила, составленные в конце первой трети XV в. по поводу принадлежности скита Св. Стефана приобретшим его насельникам, требовала от святогорских отшельников, как от простых селян, возделывать прилегавшие к их келье и храму сад и виноградник «вместе с самыми маленькими маслинами», более того – подымать залежь. Поэтому слова о «всей возможности устройства их и улучшения», равно и о заботе обо «всяком их устройении и улучшении» в контексте рассматриваемых документов становятся наряду с прочими доказательствами весомым доводом для утверждения прав владения названным скитом [13, № 23.6–13 etc., 16–20 etc.; № 24.5–13 etc., 21–26 etc.]. Иначе говоря, подразумевается возможность устраивать и «улучшать» как монашескую келью, так и заботиться об «улучшении» названного монастыря.

С наибольшей последовательностью роль «улучшений» в хозяйственной деятельности византийцев, без какого-либо сомнения, раскрывает содержание известного судебного постановления 1421 г. о притязаниях Аргиропулов на арендованные ими в Фессалонике сады ивирских монахов, где возделывались разнообразные сельскохозяйственные культуры: от лука и капусты до дынь и цветов [31, № 97; 33, № 102] ¹⁰. Согласно показаниям тяжущихся сторон, повод для судебного разбирательства дали сами «улучшения» прежде всего в виду понесенных арендаторами расходов [31, № 97.7 etc., 31–33]. При этом свидетели подробно описали работы – буквально «улучшенное» («τὰ... βελτιούμενα»), что было произведено арендаторами в «улучшение сада», начиная с прорытия и расширения рвов, переустройства пашенного поля и углубления колодца и завершая расчисткой участков [31, № 97.34–35 etc.]. В конечном счете самое решение суда мотивировано признанием того, что монастырские имения были обработаны

и «улучшены» (ἐνεργούμενα καὶ βελτιούμενα) [31, № 97.61–63 etc.]. В то же время нельзя оставить без внимания предписание хрисовула 1408 г., который Иоанн VII Палеолог направил монастырю Дионисия по поводу возобновления палеохориона Мариский. Там «должны... быть улучшены» (ὀφείλουσι... βελτιωθῆναι), как гласит распоряжение василевса, предоставленные святогорцам зевгари (пашенные упряжки) и, следовательно, требование «улучшения» в данном случае напрямую соотносится с развитием в названном поселке хлебопашества [13, № 10.7–9 etc.]. Через десятилетие деспот Андроник Палеолог, утверждая на будущее поселение там работников, подчеркивает, что их надлежит использовать «к улучшению того места» [13, № 17.8–9 etc.].

Социокультурная значимость. Итак, по крайней мере с конца Раннего Средневековья, понятие «βελτίωσις», сопрягаясь с представлениями собственников об их правах распоряжения недвижимостью, а также ее «устройства» и «увеличения», стяжает терминологическое значение «улучшений», предопределенных возделыванием почвы и добросовестным уходом за насаждениями. Вполне возможно именно предполагающая выполнение аналогичных задач рекультивация имеется в виду в хрисовуле Михаила Палеолога, который в 80-х гг. XIII в. предписал насельникам Дохиарского монастыря «улучшать и обустроить» (βελτιοῦν καὶ συνιστᾶν), как они хотят. Задачей являлось произвести «устройство и улучшение» (σύστασιν καὶ βελτίωσιν) в пожалованном монахам ранее на полуострове Кассандра зимовище вместе с палеохорионом и других их «личных имениях» [14, № 9.26–28 etc., 41–42].

Особую значимость, несомненно, обретают свидетельства актов об «улучшениях» в господских владениях, которые сопрягаются с освещением положения зависимого крестьянства. В этом смысле, наверное, показателен уже привлекавшийся ватопедский хрисовул 1324 г. Андроника II Палеолога. Он раскрывает примечательные обстоятельства разрешения поселить на пожертвованной Феодором Сарантином веррийскому монастырю Иоанна Продрома в селе Крициста пастбищной земле, которая была признана «свободной», крестьян соответствующих категорий, «элевтеров» и «неизвестных (анепигностов) казне». В дан-

ном случае важно отметить, что василевс, озаботившись дальнейшей судьбой крестьян, предусмотрительно запретил производящим контроль над ними чиновникам беспокоить поселенцев вместе «со всем иным улучшением (βελτιώσεως)» [23, № 62.51 etc., esp. ll. 53–61 etc.]. Тот факт, что указанное «улучшение» обусловлено именно поселением на монастырской земле крестьянства, подкрепляет последующее предписание. Согласно ему монастырю позволено и далее производить «улучшение» на той же земле, точнее говоря, чтобы она «была улучшена» (βελτιωθῆναι), а это, видимо, предполагало право монахов селить здесь новых земледельцев названных категорий, освобождая их от повинностей и поборов [23, № 62.66–68 etc.].

К числу подобных примеров принадлежали и сведения об имении Розейон и земельном клине в Диаволокампоне. Здесь дохиарским монахам надлежало, согласно хрисовулу 1343 г. Иоанна V Палеолога, «обустроить и улучшать», приводить все «к лучшему и более благому» в соответствии с их желанием и неколебимо «владеть» проделанными «улучшениями» вместе с поселенными там проскафименами [14, № 21.30–34]. Весьма схожие предписания содержит хрисовул названного василевса середины XIV в., даровавший сановному проиару Георгию Кацаре право передать своим детям «ради их службы» землю Патрикона с расположенной на ней катедрой и произведенными тут «улучшениями» [14, № 27.16–20, 24–28 etc.]¹¹. А в 1378 г. василевс Андроник IV Палеолог хрисовулом жалует своего приближенного Мануила Тарханиота хорионом Лоротон с «жилой башней», признавая право передать сыну сановника на условии несения службы названное село вместе с произведенными его владельцем «законным образом» (δικαίως) «улучшениями» [19, № 149.9–15 etc.].

Наглядным подтверждением правовой обусловленности «улучшений» в поздневизантийском обществе, без сомнения, можно считать любые примеры, подобные клаузуле уже рассмотренного хрисовула 1380 г., пожалованного ватопедским монахам. Здесь говорится об их «праве устанавливать и улучшать» («ἐπ' ἀδείας συνιστᾶν καὶ βελτιοῦν») свои поместья, в которых монастырь поселяет

зависимых от него проскафименов для того, чтобы приводить монастырское хозяйство к «лучшему» [25, № 161.10–12 etc.]. С другой стороны, хотелось бы отметить иск 1380 г. знатного семейства, оспорившего земли в палеохорионе Св. Николая в Ермилее, принадлежавшие свояку из семейства Доблицинов (Деблицинов). Этот иск, надо сказать, затрагивал имущественные интересы Ватопедского монастыря. В рассматриваемом документе ясно сопоставлено право представителей господствующего класса на их недвижимость и произведенные в их владениях улучшения. Решающая, по мнению истцов, аргументация интегрирована воедино в сжатой юридической формуле выражения «всякого права и всего улучшения» («παντὸς δικαίου καὶ πάσης βελτιώσεως») в отношении принадлежащего им имущества [25, № 162.6]. Фактическим обоснованием указанной формулы допустимо считать последующее заявление истцов, изложенное, следует подчеркнуть, в весьма риторичной форме, о понесенных ими расходах и вложенных в свои имения «больших трудах», и даже пролитых «потах» («κόπους... πολλοὺς καὶ ἰδρώτας»), дабы вырвать свои имущества из рук жадных захватчиков [25, № 162.9–10 etc.]. С этой точки зрения не столько важны бесплодные результаты возбужденного иска, сколь доминирующие в ментальности господствующих кругов поздневизантийского социума умонастроения, касающиеся их отношения к производимым в их поместьях «улучшениям». Сказанное подкрепляет и позиция ответчика, изъятая тремя годами позже при продаже его имения Ватопедскому монастырю. Заключение в то время акт продажи содержит взаимное обязательство сторон относительно всех выплат, которые будут сделаны в связи с «улучшением» («ἐπὶ βελτιώσει») в проданном имении [25, № 163.39–40].

Одновременно нельзя не вспомнить о дарственной Богдана Фронима, землевладельца, который в 1400 г. «отказал» Ватопедскому монастырю в пригородах Фессалоник приобретенную ранее у него землю вместе с его, Богдана Фронима, «собственными людьми» и «всем улучшением» («πᾶσαν βελτιώσιν»). Оно было сделано собственником на своей земле постольку, поскольку Богдан Фроним считал себя полноправным обладателем

«права» на нее и поселенных там крестьян [25, № 184.3–4]. В этом свете предстает вопрос о характере сделанного собственником «всякого тут улучшения собственного моего и всех прав, сколько я имел» («πᾶσαν τὴν αὐτόθι βελτίωσιν τὴν ἰδικὴν μου καὶ πάντα τὰ δίκαια ὅσα εἶχον ἐγὼ») [25, № 184.4–7 etc.].

Альтернативы. Наряду с понятием «βελτίωσις» требуется охарактеризовать также понятие «βελτίωμα», которое сигиллий 1267 г. Михаила VIII Палеолога в сочетании со ссылкой на «восстановление» (ἐξ ἀναστήματα καὶ βελτιώματα) соотносит с «правами» (τὰ δίκαια) Дохиарского монастыря на пожалованные ему имущества [14, № 8.13–15 etc.]. Указанные понятия отличает глубокая синонимичность при определенной семантической широте их понимания византийцами. В частности, «восстановление» может подразумевать ввод в сельскохозяйственный оборот и виноградника (например, см.: [40, № 77.172–173; 18, № 109.560–562]), и мельницы [30, № 74.300]. В свою очередь, содержание понятия «улучшение» более ясно коррелирует с проблемой «внутренней колонизации», проведением земледельческих и других сельскохозяйственных работ. К такому содержанию понятия «улучшение» тяготеет его семантика в документах XIII в., относящихся к юго-западным районам Малой Азии, в частности, поселку Сфурно и соседних селений, где встречается ряд упоминаний «βελτίωμα», включая «наследственные улучшения» («τῶν γονικῶν ἡμῶν βελτιωμάτων») (например, см.: [10, р. 37]). Именно в этой связи судебное решение конца XIII в. по поводу спора между Ивирским монастырем и его арендатором, иереем Николаем Платискалито, прибегает к понятию «βελτίωσις» и термину «βελτίωμα». Здесь первое из названных видов «улучшений» ассоциируется с уплатой пакта за предоставленный в аренду земельный надел с насаждениями виноградника, а второе практически опосредует этим видом аренды, собственно говоря, обозначение земельного участка [30, № 67.28–30 etc., 59 etc.].

С другой стороны, Андроник III Палеолог соотносит свое признание проделанных афонскими насельниками «улучшений» (τῶν βελτιωμάτων) с имениями и метохами, например, в грамоте, пожалованной в 1328 г. Зографскому монастырю, где говорится о

принадлежащем ему селе и податном обложении поселенных там крестьян, ранее переданных под начало прониара [50, Auth. № 30.46–49 etc.]. Равным образом следует отметить в клаузуле хрисовула 1329 г. Андроника III Палеолога ссылку на «имения» и метохи Ватопедского монастыря, с которыми сопоставлено упоминание «улучшений» (τῶν βελτιωμάτων), очевидным образом относящихся к состоянию монастырских мельниц, виноградников и прочих владений вместе с их «правами» [23, № 68.105–109]. Подобную формулу можно, наверное, признать показательной или даже типичной, поскольку она практически повторена в решении 1375 г. суда Фессалоник. Его постановление предусматривает возврат Ватопедскому монастырю ранее отошедшей ему веррийской обители Иоанна Крестителя, по названию Петры. В судебном акте цитируется прошение ватопедских насельников, где вопрос о принадлежащих им «имениях» и метохах сочетается с аргументом об «улучшениях» (τῶν βελτιωμάτων) мельниц и виноградников, а также прочих монастырских владений наряду с «правами» на них [24, № 144.103–104 etc.].

Особый интерес вызывают сведения ватопедского акта 1376 г., раскрывающие подробности аренды городских владений монастыря в составленных по этому случаю арендных договорах. В них наряду, собственно говоря, с содержанием заключенных пактов и их условиями на передний план выходит проблема «улучшений». Она получает отображение в сочетании, кажется, всех лексических средств, ставших предметом внимания. Согласно первому из этих актов, Ватопедский сдал в пожизненную аренду садовый участок в Веррие императорскому «служителю» Алексею Цамплакону [24, № 149]. Заключенная им сделка предусматривала обязанность арендатора не просто «улучшить и устроить» (βελτιῶν καὶ συνιστῶν) сад с тем, чтобы вернуть его собственнику вместе с проделанными там «улучшениями» (βελτιωμάτων). Их гарантией, по всей видимости, служила описанная в акте аренды задача сажать плодоносные деревья, по словам Алексея Цамплакона, «собственными руками», а также упомянутые в пакте дважды «имения» арендатора [24, № 149.11–16 etc., 20–23 etc.].

Второй арендный договор 1376 г. был заключен Ватопедским монастырем с Константином Киприаносом и касался «подворья» (αὐλή) в одном из кварталов Фессалоник, которое перешло монастырскому метоху от великого папы Цамплакона [24, № 150]. Здесь речь сразу же зашла об «улучшениях» (βελτιώσεις), которые предстояло выполнить ввиду необходимости, как следует понимать, уплаты телоса, основного налога. Константин сразу же приступил к работам, в ходе которых арендатор принялся «улучшать» («ἐβελτίωσα») подворье для его приведения в «более лучшее (βελτίωνα) и более духовное состояние» [24, № 150.5–9 etc.]. Константин, будучи исполнен «христианского и православного» пафоса, и далее продолжает рассуждать о «горнем», но сделанные обещания побуждают арендатора действовать прагматично. И потому на передний план выходит заявление Константина «строить и улучшать (ἀνοικοδομήσω καὶ βελτιώσω) дома» и вообще содержать храм и «все, что будет осуществлено» на подворье «под моими улучшениями» («ὕπ' ἐμοῦ βελτιώματα») [24, № 150.14–16]. Предусматривается также возможность для арендатора передать храм и подворье вместе с выполненными там «улучшениями и обустройством» («βελτιώματα καὶ συστήματα μου») какому-либо преемнику [24, № 150.16–18]. А после его кончины и храм, и подворье, и все, что будет там «сделано и улучшено» («γενησόμενά τε καὶ βελτιωθησόμενα»), надлежит возратить «под собственность и господство» монастыря [24, № 150.18–20 etc.]. И словно подводя итог, в заключение своей договоренности Константин Киприанос от своего имени и имени своего преемника подкрепляет обещание монастырю не нарушать его права в отношении храма и тех «улучшений и домов», которые будут там сделаны и построены («γενησομένων βελτιωμάτων καὶ οἰκοδομημάτων») [24, № 150.29–31].

Анализируемые наблюдения, надо признать, не вносят полной ясности по вопросу об отличиях между двумя разновидностями обозначений «улучшений», имеются в виду понятия «βελτιώσεις» и «βελτιώματα». Тем не менее, как демонстрируют документы последующих лет, можно предположить определенные семантические различия между этими двумя понятиями. В частности, указ 1429 г. деспота

Димитрия Палеолога относительно имений Лавры Афанасия на Лемносе подтверждает, что понятие «βελτιώσεις» неотделимо от сферы налогообложения и податных изъятий, куда вовлечено зависимое крестьянство [19, № 167.14–17, 17–19 etc.]. Весьма вероятно, таково было обозначение процесса проведения улучшений, о чем свидетельствует пожалованный еще раньше Иоанном II Палеологом хрисовул 1404 г. относительно податного обложения хориона Дримосирта. Согласно этому указу монахам Лавры надлежало получать содействие «в улучшении и увеличении их села». Подобного рода содействие предполагало ограничение чиновников фиска, касающееся недопустимых взысканий и прочих податных претензий [19, № 155.31–32 etc., 40–42]. В то же время термин «βελτιώματα», предположительно, служил для обозначения результатов проделанных «улучшений». К этой оценке понятия «βελτιώματα» побуждает склоняться еще один акт. Так, Иоанн Кантакузин пожаловал в 1350 г. хрисовул монемвасийскому монастырю Св. Марии Мегаспелион, где в формулярных распоряжениях относительно статуса его имений со ссылкой на предшествующие акты в качестве обозначения ранее выполненных «улучшений» использовано именно понятие «βελτιώματα» [11, р. 192].

Заключение. Итак, несмотря на тот факт, что большая часть собранных свидетельств является неохватимой частью формуляра изученных документов, они говорят о широком распространении у средневековых византийцев представлений об «улучшениях». Прямо или косвенно соответствующие воззрения пронизывали все слои средневекового социума. Изучение концепта «улучшения» и терминологической сущности отвечающих тому понятий, без сомнения, служит раскрытию подлинной природы не только экономических и социальных, говоря конкретнее, поместных и общинных отношений. Социокультурная значимость рассмотренных в этой связи понятий, аккумулировавших идею «улучшения» независимо от лексических способов ее выражения, очевидно велика. Разносторонний анализ концепта «улучшение» доказывает, что свойственная названному понятию прагматика тесно соприкасалась с духовными началами повседневного поведения средневековых ви-

зантийцев. Оно отнюдь не было ограничено только религиозными установками, а проецировалось на образ жизни современников рассматриваемой исторической эпохи в широком спектре различных смысловых оттенков понятия «улучшения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, см.: [37, p. 33; 43, p. 235–236, 259, 272, 284, 295, 299, 302, 309; 39, p. 352–364, esp. p. 352–353 etc., 357, 358–359, 361; 56, p. 379–381; 40, p. 458–462; 45, p. 830, 873; 41, p. 96 etc., 104–105, 106–107, 108–109 etc., 114, 175–176 etc., 177; 42, p. 23, 25–26, 29–30, 32–33, 43; 34, p. 19–20, 442 etc., 468, 470–471].

² Подробнее «Типике» Григория Пакуриана см.: [6]. Там же указана основная литература. Также см.: [1].

³ О характере предполагаемых указанным хрисовулом «улучшений», как о проведении «земледельческих мероприятий» и «строительной деятельности» Григория Пакуриана, а также об атрибуции данного хрисовула подробнее см.: [6, с. 221].

⁴ Например, см.: [52, № 50.49–50; № 53.63–67 etc.; № 55.30–33 etc.; № 71.10–12, 15–18, 35–40 etc.; № 93.35–36 etc.; № 106.113–115; 53, № 124.21–29 etc.; № 139.23–28 etc.; № 151.72–75 etc., 127–128 etc.; 54, № 184.64–69; № 209.9–11, 21–23 etc.; № 258.18–19 etc., 23–25 etc.]; также см.: [7, p. 72, 78, 81, 100 etc., 138 etc., 167, 194, 231, 281–282 etc., 314, 329–330, 423–424, 454–455, 487 etc., 502–503, 516, 568–569, 571; 8, p. 65–66, 96–97, 152–153, 222, 272, 321, 323, 388–389, 399, 410–411, 414–415, 467 etc., 496, 525–526].

⁵ Например, см.: [23, № 41.19–20; № 42.27, 33, 43; № 62.66; № 66.4, 11–12; 24, № 89.13–15; № 110.10–11, 36–37, 44 etc.; № 116.2–4; № 117.20 etc.; № 121.10–12 etc.; № 123.7–9 etc.; № 140.49–50 etc.; № 149.20 etc.; № 150.6–7 etc., 14–15 etc., 18–20 etc.; 25, № 161.12 etc.; № 193.21 etc.; № 210.11; 13, № 2.46; № 3.15; 49, № 3.60; № 4.4 etc., 44 etc.; 50, Auth. № 26.38–39; № 27.29; № 39.4; 32, № 2.5, 10–12, 17–18; № 4.15–17; № 8.12–13, 20–22; № 26.56 etc.; № 30.19–20; № 32.8–10, 11–14, 15–16; № 34.18–21; № 40.9–10; 10, p. 17; 11, p. 77–80, 157, 162, 259, 266 etc.].

⁶ О гетериархе см.: [47, p. 925–926].

⁷ Предполагается, что Андроник II имеет в виду орфанотрофа Трифона Кедрина; о нем см.: [51, № 11604]. О чине орфанотрофа см.: [48, p. 1537–1538].

⁸ О статусе солдат-«клазоменитов» подробнее см.: [34, p. 346–348, 428 etc., 467–468]; там же см. основную литературу.

⁹ Об адельфатах см.: [46, p. 19].

¹⁰ Также см.: [31, № 98; 33, № 24]; о существовании спора Ивирского монастыря и Аргиропулов подробнее см.: [44, p. 159–175]; там же см. основную библиографию.

¹¹ О термине «катедра» подробнее см.: [3].

REFERENCES

1. Arutyunova-Fidanyan V.A. «Povestvovanie o delakh armyanskikh» (VII v.) i «Tipik Grigoriya Pakuriana» (XI v.): grecheskiy yazyk armyano-khalkedonitskikh pamyatnikov [“The Narration About the Matters Armenian” (VII v.) and “Typic of Gregorius Pakurian” (XI v.): The Greek Language of the Armenian-Chalcedon Monuments]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [The Journal of Orthodox Saint-Tikhon Humanitarian University], 2014, no. 5 (40), pp. 9-21.

2. Vin Yu.Ya. Ponyatiye «douleβa» kak sotsiokulturnyy kontsept v reprezentatsii vizantiyskikh aktov [The Notion «δουλεβα» as a Sociocultural Concept in Presentation of Byzantine Acts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 149-161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.15>

3. Vin Yu.Ya. Sotsialno-ekonomicheskoe sodержanie termina «kathedra» vizantiyskikh dokumentov [The Social and Economic Contents of Term “kathedra” of the Byzantine Documents]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1983, vol. 44, pp. 202-211.

4. Medvedev I.P. Diplomatika chastnogo vizantiyskogo akta [The Diplomats of Byzantine Acts]. *Problemy istochnikovedeniya zapadnoevropeyskogo srednevekovya* [The Problems of Studies of Sources of West Middle Ages]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 124-147.

5. Medvedev I.P. *Ocherki vizantiyskoy diplomatiki: (chastnopravovoy akt)* [The Essays of Byzantine Diplomats: (The Civil Act)]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 262 p.

6. Arutyunova-Fidanyan V.A., ed. *Tipik Grigoriya Pakuriana* [Typic of Gregory Pakurian]. Yerevan, AN ArmSSR, 1978. 249 p.

7. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 1.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1860. x, 607 p.

8. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 2.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1862. 608 p.

9. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 3.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1865. xxii, 395 p.

10. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 4, T. 1.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1871. xiv, 441 p.
11. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 5, T. 2.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1887. 481 p.
12. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 6, T. 3.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1890. viii, 452 p.
13. Oikonomidès N., ed. *Actes de Dionysiou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1968. xi, 251 p.
14. Oikonomidès N., ed. *Actes de Docheiariou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1984. xiv, 397 p.
15. Oikonomidès N., ed. *Actes de Kastamonitou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1978. xi, 129 p.
16. Lemerle P., ed. *Actes de Kutlumus. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1988. x, 478 p.
17. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. In 4 Vols. Vol. 1.* Paris, P. Lethielleux, 1970. x, 447 p.
18. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. In 4 Vols. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 1977. xvi, 316 p.
19. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. In 4 Vols. Vol. 3.* Paris, P. Lethielleux, 1979. xx, 230 p.
20. Kravari V., ed. *Actes de Pantocrator. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1991. xvi, 232 p.
21. Regel W., Kurts E., Korablev B., eds. *Actes de Philothée. A. Actes Grecs. Vizantiysky vremennik [Byzantina chronika], vol. XX. Prilozhenie I [The Addition 1], pp. iv, 1-39. (esp. pagination)*
22. Lemerle P., Dagron G., Ćirković S., eds. *Actes de Saint-Pantéléémôn. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1982, xii, 238 p.
23. Bompaire J., Lefort J., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 Vols. Vol. 1.* Paris, P. Lethielleux, 2001, xx, 475 p.
24. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 Vols. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 2006, xviii, 525 p.
25. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., Gómez R.E., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 Vols. Vol. 3.* Paris, Peeters, 2019, xx, 550 p.
26. Papachryssanthou D., ed. *Actes de Xénophon. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1986, xvi, 399 p.
27. Lefort J., ed. *Actes d'Esphigménou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1973. xiv, 250 p.
28. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Métrévéli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 Vols. Vol. 1.* Paris, P. Lethielleux, 1985. xiv, 318 p.
29. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Métrévéli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 Vols. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 1990. xiv, 368 p.
30. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Métrévéli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 vol. Vol. 3.* Paris, P. Lethielleux, 1994. xiv, 412 p.
31. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Métrévéli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 Vol. Vol. 4.* Paris, P. Lethielleux, 1995. xii, 260 p.
32. Guillou A., ed. *Les archives de Saint-Jean Prodrome sur le mont Ménécée.* Paris, Pr. univ. de France, 1955. 220 p.
33. Dölger F., ed. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. Textband.* München, Verl. Bisch. F. Bruckmann, 1948. 363 S.
34. Bartusis M.C. *The Land and Privilege in Byzantium: The Institution of Pronoia.* Cambridge, Cambridge Univ. Pr., 2012. xlv, 697 p.
35. Nystazopoulou-Pelekidou M., ed. *Byzantina egrapha tēs monēs Patmou [The Byzantine Documents of Monasterium Patmos].* Athens, EIE, 1980, vol. 2, Demosiôn leitourgôn [The State Services], xx, 309 p.
36. Dölger F. *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. 2. Aufl.* Hildesheim, Georg Olms Verl., 1960. 165 p.
37. Geyer B. Physical Factors in the Evolution of the Landscape and Land Use. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh Through the Fifteenth Century. In 3 Vols. Vol. 1.* Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 31-45.
38. Zachariae à Lingenthal C.E., ed. *Jus graeco-romanum. In 7 Vols. Vol. 3.* Lipsiae, T.O. Weigel, 1857. xxxiv, 748 p.
39. Laiou A.E. The Agrarian Economy, Thirteenth-Fifteenth Centuries. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh Through the Fifteenth Century. In 3 vol. Vol. 1.* Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 352-375.
40. Laiou A.E. The Church, Economic Thought and Economic Practice. Morrisson C., Dorin R., eds. Laiou A.E. *Economic Thought and Economic Life in Byzantium.* Farnham, Surrey, Ashgate, 2013, pt. ii, pp. 435-464. (esp. pagination)
41. Laiou A.E., Morrisson C. *The Byzantine Economy.* Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2007. 270 p.
42. Laiou A.E., Simon D. Of Mills and Monks: The Case of the Mill Chantax. Morrisson C., Dorin R., eds. Laiou A.E. *Economic Thought and Economic Life in Byzantium.* Farnham, Surrey, Ashgate, 2013, pt. x, pp. 1-50. (esp. pagination)
43. Lefort J. The Rural Economy, Seventh-Twelfth Centuries. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh Through the Fifteenth Century. In 3 vol. Vol. 1.* Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 231-310.

44. Matschke K. P. *Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354*. Berlin, Akad. Verl., 1971, 264 p.

45. Morrisson C., Cheynet J. C. Prices and Wages in the Byzantine World. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh Through the Fifteenth Century*. In 3 Vols. Vol. 2. Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 815-878.

46. Kazhdan A.P. et al., eds. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. In 3 Vols. Vol. 1. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. LIV, 728 p.

47. Kazhdan A.P. et al., eds. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. In 3 Vols. Vol. 2. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. xxxiii, 727-1474 p.

48. Kazhdan A.P. et al., eds. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. In 3 Vols. Vol. 3. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. xxxiii, 1475-2232 p.

49. Pavlikianov C. *The Byzantine Documents of the Athonite Monastery of Karakallou and Selected Acts from the Ottoman Period (1294–1835)*. Critical Edition and Commentary of the Texts. Sofia, “St. Kliment Ohridsky” Univ. Pr., 2015, 295 p.

50. Pavlikianov C. *The Mediaeval Greek and Bulgarian Documents of the Athonite Monastery of Zographou (980–1600)*. Critical Edition and Commentary of the Texts. Sofia, “St. Kliment Ohridski” Univ. Pr., 2014. 912 p.

51. Trapp E. u. a., ed. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. In 12 fasz. Fasz. 5. Wien, Verl. d. Österreichisch. Akad. d. Wissensch., 1981. 231 p.

52. Hunger H., Kresten O., eds. *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel*. In 10 Tl. Tl. 1. Wien, Verl. der Österreich. Akad. d. Wissensch., 1981. 624 p.

53. Hunger H., Kresten O., Koder J., Kislinger E., Cupane C., eds. *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel*. In 10 Tl. Tl. 2. Wien, Verl. der Österreich. Akad. d. Wissensch., 1995. 519 p.

54. Koder J., Hinterberger M., Kresten O., eds. *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel*. In 10 Tl. Tl. 3. Wien, Verl. der Österreich. Akad. d. Wissensch., 2001. 609 p.

55. Svoronos N. *Les Nouvelles des empereurs Macédoniens, concernant la terre et les stratiotes*. Athènes, Centre de recherches byzantines, FNRS; Fondation culturelle de Banque nationale, 1994. xvi, 297 p.

56. Toubert P. Byzantium and the Mediterranean Agrarian Civilization. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century*. In 3 vol. Vol. 1. Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 377-391.

57. Typicon Gregorii Pacuriani. Kauhkchischvili S.G., ed. *Svedeniya vizantiyskikh pisateley o Grusiya* [The Information of Byzantine Writers on Georgia]. Tbilisi, Publ. of AS Georgia SSR, 1963, vol. 5, pp. 97-301. (Georgica: Scriptorum byzantinorum excerpta ad Georgiam pertinentia; vol. 5).

Information About the Author

Yury Ya. Vin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32a, 991119 Moscow, Russian Federation, hkn@igh.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>

Информация об авторе

Юрий Яковлевич Вин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 991119 г. Москва, Российская Федерация, hkn@igh.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>